

ЛЮБОВЬ, НЕ ЗНАЮЩАЯ ОКОВ

Ирина Арефьева

Семьи декабристов
в ссылке

 Любовные драмы

Любовные драмы (Вече)

Ирина Арефьева

**Любовь, не знающая оков.
Семьи декабристов в ссылке**

«ВЕЧЕ»

2026

УДК 94(47)(571.1/5)
ББК 63.3(2)521-425.5

Арефьева И. Н.

Любовь, не знающая оков. Семьи декабристов в ссылке /
И. Н. Арефьева — «ВЕЧЕ», 2026 — (Любовные драмы (Вече))

ISBN 978-5-4484-5796-8

История декабристов – участников декабрьского восстания 1825 года – это повесть не только о смелой, но и трагической попытке изменить судьбу России. Это также история их семей, которые разделили с ними тяжесть изгнания, став невольными участницами этой драматической эпопеи. Когда осужденные мятежники были отправлены в далекие сибирские края, их жены, матери, сестры и дети не остались в стороне. Они приняли решение, которое навсегда изменило их жизни. Оно было продиктовано любовью, верностью и глубоким убеждением в правоте своих близких. Многие жены декабристов принадлежали к высшему свету, они оставили богатую, привычную жизнь, родных и близких, чтобы последовать за мужьями в суровую Сибирь. Их решение было не просто актом преданности, но и проявлением невероятной силы духа и мужества.

УДК 94(47)(571.1/5)
ББК 63.3(2)521-425.5

ISBN 978-5-4484-5796-8

© Арефьева И. Н., 2026
© ВЕЧЕ, 2026

Содержание

Предисловие	6
Повествование первое	8
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Ирина Арефьев
Любовь, не знающая оков.
Семьи декабристов в ссылке

Автор выражает благодарность Власовой Анастасии Александровне за неоценимую помощь в работе над книгой.

Серия «Любовные драмы»

© Арефьева И.Н., 2026

© ООО «Издательство «Вече», 2026

Предисловие

Их назвали декабристами. Сначала тех, кто 14 декабря 1825 года вышли на Сенатскую площадь в Петербурге, чтобы заявить правительству о планах, убеждениях, предложениях по улучшению жизни в родной стране. Позже декабристами стали называть всех восставших и членов тайных обществ, осужденных на разные сроки каторги и ссылки, отправленных в Сибирь. Это для нас уже история, об этом можно прочитать в научной литературе. Однако лица осужденных, их характеры и переживания почти не вырисовываются.

Но сегодня нас интересуют не только политические взгляды, их желание отменить крепостное право, учредить Конституцию и прочее, но и их человеческие качества, понять, какими же они были.

Как правило, это были люди военные, офицеры в чине от прапорщика до генерала. Некоторые сражались на полях Отечественной войны 1812 года. Все они были молодыми, полными надежд. Одни только-только вступили в браки, образовали семьи. Другие пока что только планировали это. Они жили и любовью к родине, и к своим близким.

Чем же для них была любовь? Для одних, например Сергея и Екатерины Трубецких, Никиты и Александры Муравьевых, Михаила и Елизаветы Нарышкиных, Василия и Анны Давыдовых, любовь была чувством искренним, глубоким, всепоглощающим.

Для других брак оказался по расчету – так складывались жизненные обстоятельства.

Третьи столкнулись с этим чувством неожиданно и не сразу поняли, что же их связывает и связывает ли вообще что-то.

Для всех этих людей, ставших героями книги, любовь оказалась испытанием. Самым неожиданным для всех них, мужчин, мужей, стал арест, приговор, ссылка на долгие годы в Сибирь. Как же складывалась жизнь этих людей после произошедшей трагедии? Почему молодые красавицы-жены оставили благополучную, привычную жизнь и решили отправиться в неизвестность, чтоб разделить с мужьями все трудности каторжной жизни? Что пришлось преодолеть и какой жизненный опыт получили эти семьи? Чем для них стала любовь? Почему они выбрали оставить уже рожденных детей родственникам и уехать вслед за мужьями?

Почему многие из этих женщин позже вспоминали время в ссылке как счастливые годы своей жизни? Что же такое счастье?

В поисках ответов на эти и многие другие вопросы, прочитав сотни писем и множество воспоминаний декабристов и их жен, я была потрясена бескорыстием, верностью, преданностью, достоинством, умением этих людей любить по-настоящему.

Повествование первое Волконские Сергей Григорьевич и Мария Николаевна

*Землю жизнь пройдя до половины,
Я очутился в сумрачном лесу,
Утратив правый путь во тьме долины.
Каков он был, о как произнесу,
Тот дикий лес, дремучий и грозный,
Чей давний ужас в памяти несусу!*

Данте Алигьери. Божественная комедия

На допросе в Следственном комитете С.Г. Волконский с достоинством ответил генерал-адъютанту Дибичу, назвавшему его изменником: «Я никогда не был изменником моему Отечеству, которому желал добра, которому служил не из-за денег, не из-за чинов, а по долгу гражданина».

Когда называешь дату – 14 декабря 1825 года – память высвечивает имена гордых, непокорных, свободолюбивых патриотов своей Родины, приговоренных к казни: П.И. Пестеля, С.И. Муравьева-Апостола, М.П. Бестужева-Рюмина, К.Ф. Рылеева, П.П. Каховского. Они искренне желали блага для России, но погибли, не достигнув цели, к которой стремились.

Вспоминаются и другие имена, их десятки: декабристов, осужденных и отправленных в Сибирь, разбросанных по крепостям. Перед глазами встают портреты блестящих офицеров, образованных, стойких, красивых людей, которые еще в начале XIX века мечтали о новой, преобразенной России, сбросившей позорные цепи крепостного права, живущей по Конституции, ценящей просвещение, достижения культуры.

*Князь Сергей Григорьевич Волконский.
Акварель Н.А. Бестужева*

Один из них – князь Сергей Григорьевич Волконский. В сибирской ссылке Н.А. Бестужев написал несколько его портретов. На одном из них изображен строгий, серьезный, благородный человек, уже 15 лет отбывающий ссылку. Он не молод, но подтянут, сосредоточен. Не давая себе расслабиться, он верен выбранному пути.

Но почему именно такой выбор сделал князь С.Г. Волконский в решающий момент своей жизни?

Почему за ним, пойдя против воли своей семьи, последовала хрупкая, очаровательная женщина, воспитанная в роскоши и ни на миг не разочаровавшаяся в своем выборе?

Что в условиях каторги и ссылки спасло не только семью Волконских, но и другие семьи «государственных преступников», как назвал их в гневе Николай I?

Вопросы поставлены, и их возникает все больше и больше, когда знакомишься с этими людьми. Приоткроем книгу судеб, откроем главу на букву «В» и попробуем разобраться в жизненных переплетениях семьи С.Г. Волконского.

Отец Сергея, Григорий Семенович Волконский, был генералом, членом Государственного совета, но он ушел из жизни в 1824 году и о будущей судьбе сына ничего знать и даже предполагать не мог. Мать, Александра Николаевна, была из знатного рода Репниных, дочерью фельдмаршала князя Н.В. Репнина. Она служила при дворе, была статс-дамой и обер-гофмейстериной и очень гордилась этим. Сергей Волконский сначала получил домашнее воспитание и образование, затем с 14 лет учился в пансионах. Как и многие дворянские дети, прошел службу в армии, в 17 лет стал поручиком в Кавалергардском полку. В Отечественную войну 1812 года находился при Александре I в звании флигель-адъютанта, участвовал в сражениях, был ранен, удостоен чина полковника. В 1813 году стал генерал-майором, в это время ему было 25 лет¹.

О таких молодых, удалых генералах написала Марина Цветаева:

Вы, чьи широкие шинели
Напоминали паруса,
Чьи шпоры весело звенели
И голоса.

...

Вам все вершины были малы
И мягок самый черствый хлеб,
О молодые генералы
Своих судеб².

За войну С.Г. Волконский был награжден орденами Владимира III степени, Георгия IV степени, Анны II степени, Анны I степени и несколькими иностранными наградами.

Этот послужной список многое говорит о деловых качествах С. Волконского и почти ничего не объясняет о нем как о человеке. Но вот, читая его воспоминания, «Записки», которые он начал писать в пожилом возрасте, уже многое пережив и обдумав, вдруг останавливаясь на моменте, где он вспоминает те чувства, которые были испытаны им при получении ордена Св. Анны I класса.

«Наконец скажу и словечко о себе, чтобы высказать, что человек весьма падок к тому, что клонится к его честолюбию. Я, кажется, позабыл сказать, что 15 сентября 1813 года я был произведен в генерал-майоры, а теперь во Франкфурте был пожалован в кавалеры ордена Св. Анны I класса... Не утаю, что получить Аннинскую ленту, едва произведённый в генерал-майоры, я был очень обрадован этим награждением, и чистосердечно сознаюсь в малодушестве своем, а именно, получив ленту около вечера, я так любовался ею, что, ложась спать, ее повесил на стул, поставленный насупротив меня, с тем, чтобы до сомкнутия глаз любоваться ею. Сознаюсь, что это малодушие, но лучше признаться в оном, нежели таить его»³.

Этой награды Сергей Григорьевич был удостоен в 25 лет, уже далеко не мальчиком, побывав на Отечественной войне и получив ранение. Но описывал эти события он уже в возрасте 60 лет, однако сколько в этом рассказе искренности, душевной чистоты, которые не исчезли с годами.

Но вернемся к тому, как складывалась дальнейшая жизнь С.Г. Волконского. Кажется, он родился под счастливой звездой, судьба благоволила ему: карьерный рост, быстрое продвиже-

ние по служебной лестнице. После войны Сергей Григорьевич остался в армии, был назначен бригадиром 1-й бригады 2-й уланской дивизии⁴.

В начале 20-х годов Сергея Волконского увлекла иная стезя, но об этом чуть позже.

В 1825 году Волконскому было уже 36 лет. Давно пора было обзавестись семьей. Но женщины, которую бы он любил, рядом не было. Выбор пал на Марию Николаевну Раевскую, о которой ему много хорошего рассказывал его друг Михаил Орлов, женатый на сестре Марии – Екатерине Раевской. Друзья решили породниться, но Сергей Волконский, зная, что отец Марии Николаевны, герой Отечественной войны генерал Николай Николаевич Раевский, человек решительный и суровый, не посмел сразу обратиться к *такому* человеку и посватался через своего друга Михаила. Отец Марии посчитал эту партию блестящей, но решил, что спутника жизни должна все-таки выбрать дочь сама.

*Мария Николаевна Волконская. Акварель Н.А. Бестужева.
Петровский завод, 1837 г.*

Марии в это время было 20 лет, одному из претендентов на ее руку отец недавно отказал. Сергея Волконского она не знала, лишь мельком видела несколько раз. Она не любила его, даже не была им увлечена, но на брак согласилась.

Сергей Григорьевич был старше невесты на 16 лет, но выглядел великолепно. Каким увидела его Мария? Высокий, стройный, красивый, герой войны, к тому же из знатного, состоятельного семейства – какая девушка откажется от такого жениха!

А какой предстала перед Сергеем Мария? Высокая, смуглая, черноволосая, обаятельная девушка. Это были первые впечатления. Душевного порыва у них не возникло, но причин отказываться от брака тоже не было.

Мария получила хорошее домашнее воспитание: она училась музыке, считалась талантливой пианисткой, кроме того, имела красивый певческий голос. Она знала французский и английский языки, любила книги и много читала. По тому времени была довольно образованной барышней. Известно, что А.С. Пушкин, бывая в семье Раевских, особенно в период южной ссылки, часто виделся с Марией Николаевной то в Одессе, то в Киеве, то в Каменке. Ему нравилась эта юная прелестная девушка, возможно, он был тайно влюблен в нее. Известно, что некоторые стихи он посвятил ей. В стихотворении «Разговор книгопродавца с поэтом» есть такие строки:

Одна была, – пред ней одной
Дышал я чистым упоеньем
Любви поэзии святой.
Там, там, где тень, где лист чудесный,
Где льются вечные струи,
Я находил огонь небесный,
Сгорая жаждою любви.

Считается, что эти строки посвящены Марии Раевской, однако Александр Сергеевич любовался всеми дочками Николая Николаевича, а их было четыре, и ни в одном стихотворении не назвал имени той девушки, которой тогда был не на шутку увлечен.

Если в свои 20 лет Мария Николаевна только готовилась к самостоятельной жизни, то Сергей Григорьевич уже был человеком сложившимся, с большим жизненным опытом, высокообразованным, многого достигшим.

Кажется, они были совершенно разными. Однако С.Г. Волконский приехал в Киев, где и состоялась 5 октября 1824 года помолвка, а 11 января 1825 года свадьба. Позже, в «Воспоминаниях», Мария Николаевна Волконская написала об этом значимом событии в своей жизни, но очень кратко.

Волконская вспоминала: «...я вышла замуж в 1825 году за князя Сергея Григорьевича Волконского, вашего отца, достойнейшего и благороднейшего из людей, мои родители думали, что обеспечили мне блестящую по светским воззрениям будущность»⁵. Она не описала ни предсвадебных волнений, ни ожидания счастья – со временем все это уже не казалось ей главным. Однако оценка мужа как благороднейшего человека с годами стала для нее определяющей.

После свадьбы муж и жена вместе прожили три месяца, и их отношения складывались трудно. Марии казалось, что муж резок, грубоват с ней. А он стремился поскорее уехать в армию. Кроме службы, там ждали его дела, о которых жене было знать не положено.

Молодая женщина тосковала без мужа, ведь она уже ждала ребенка и хотела быть рядом с Сергеем. В одном из писем Мария обращалась к нему:

«...Мой милый, мой обожаемый, мой кумир Серж! Заклинаю тебя всем, что у тебя есть самого дорогого, сделать все, чтобы я могла приехать к тебе, если решено, что ты должен остаться на своем посту»⁶.

Несмотря на искреннее, с первого взгляда, обращение, в глаза бросается фраза «мой кумир Серж» – чисто книжный оборот из любовного романа того времени. Чего-то недостает в этом письме?

Мария Николаевна была уверена, что служба мужа не дает возможности быть им вместе, но дело было в другом: она еще многого не знала о своем супруге. Сергей Волконский в

1819 году вступил в «Союз благоденствия» и был занят делами тайного общества. С 1823 года он вместе с В.Л. Давыдовым возглавлял Каменскую управу Южного общества, осуществлял связь с Северным обществом. Известия о восстании на Сенатской площади дошли до него, когда он находился во 2-й армии на юге Российской империи. Однако 5 января 1826 года Сергей Григорьевич был арестован, доставлен в Петропавловскую крепость и заключен в камеру № 4 Алексеевского рavelина.

О чем думал Сергей Волконский, что было в душе этого человека, когда он оказался в камере? Конечно, он думал о родных людях, с болью представлял себе, как весть о его аресте ударит по ним. Тайно, через караульного, он передает записку своей сестре, Софье Григорьевне.

«Ma chere Sophie, дорогая сестра моя. Я очень тревожусь, не имея о вас никаких известий. Любая весть о тебе и моей обожаемой Marie была бы драгоценной для меня. Я надеюсь покорно и достойно встретить уготованное мне Господом и прошу лишь об утешении моей дорогой жены в ее горе. Поручаю ее твоим заботам... Сергей»⁷.

Из переданных записок видно: Сергей Григорьевич понимает, что ему может грозить, но его сестра София в ответном письме волнуется о том, что в камерах темно и сыро, что с заключенными «дурно обращаются». Она даже не представляет себе, какая судьба ожидает брата.

Мать Сергея, Александра Николаевна, находящаяся при императрице Марии Федоровне, в письмах к сыну просила его быть покорным и раскаяться.

«...от материнского моего благословения я тебя лишит не в силах никогда, а прошу слезно Бога о твоём чистом и сердечном раскаянии пред мной и пред Господом... Откровенно признайся во всем Государю и твоим чистым раскаянием перед ним возврати мне, твоей несчастной матери, в тебе сына утешительного»⁸.

В эти же дни, 2 января, Мария Николаевна родила сына, которого назвали Николаем. Родные об аресте мужа ничего ей не сказали, однако плохие вести распространяются быстро. Узнав о заключении мужа в Петропавловскую крепость, она передала ему письмо:

«Я узнала о твоём аресте, милый друг. Я не позволяю себе отчаиваться. Какова бы ни была твоя судьба, я ее разделю с тобой, я последую за тобой в Сибирь, на край света»⁹.

В тоне этого письма нет колебаний. Но она здесь просто верная жена, готовая разделить судьбу мужа.

Еще одна записка от Сергея Волконского помогает лучше понять, каким был этот человек, по каким правилам жил, какие принципы были для него незыблемыми.

«Ma chere ami Sophie, прости мне небрежность моей записки. Я даже не знаю, получишь ли ты ее – из твоих ответов я вижу, что ты не получаешь моих писем, кроме того одного, что было послано через официальное разрешение. Благодарю тебя, дорогой друг мой, за участие в моей судьбе. Мне было даровано свидание с моей обожаемой Marie. Она уверила меня, что последует за мной, если меня приговорят к каторге. Не знаю, имею ли я право на такое утешение, хотя не могу не желать его всем сердцем. Береги себя, моя дорогая сестра, и будем мужественны. Даже когда нас лишают прав дворянства, его обязанности нам остаются»¹⁰.

Сергей Волконский пишет записки из тюрьмы на любых клочках бумаги, но на этих клочках оказываются очень важные сведения о нем самом. Говоря о лишении его дворянства, он не жалеет о потере привилегий, но уточняет важное для него: «обязанности нам остаются».

Одной из обязанностей Сергея Григорьевича Волконского, мужа и отца, было позаботиться о жене и сыне. До отъезда в ссылку он отправил на имя генерал-лейтенанта А.Х. Бенкендорфа «Завещание».

Своему сыну он завещал два имения: Нижегородское и в Черниговской губернии, «чтобы до его совершеннолетия управлялись они его братом Н.Г. Репниным», «с выделением положенной части М.Н. Волконской», ей же был завещан дом в Одессе и там же земельные угодья.

С.Г. Волконский, которого допрашивали в Следственном комитете, на вопросы отвечал подробно, своего участия в делах тайного общества не скрывал.

В «Алфавите членам бывших злоумышленных тайных обществах» отмечены все этапы его деятельности, активное участие в работе по объединению Южного и Северного обществ; однако отмечен и его отказ принять участие в «злоумышлении при Бобруйске в 1823 (году)» и позже, т. е. Сергей Григорьевич был против истребления царской фамилии¹¹.

Арестованные, находящиеся под следствием, и их родственники с тревогой ожидали решения Верховного суда. Первоначально Сергей Григорьевич Волконский в числе 31 «государственного преступника первого разряда» был приговорен к смертной казни «отсечением головы», затем приговор был смягчен: его приговорили к лишению чинов и дворянства и к ссылке в каторжную работу на 20 лет. Вскоре срок каторги был сокращен до 15 лет с последующим поселением в Сибири.

Позже С.Г. Волконский рассказал жене, а она подробно описала его переход к каторжной жизни: «Вот как это произошло: 13 июля, на заре, их всех собрали и разместили по категориям на гласисе против пяти виселиц. Сергей, как только пришел, снял с себя военный сюртук и бросил его в костер: он не хотел, чтобы его сорвали с него... затем им всем приказали встать на колени, причем жандармы подходили и переламывали саблю над головой каждого в знак разжалования». Это был акт гражданской казни. В крепости осужденные получили одежду каторжников – «куртку и штаны грубого серого сукна»¹².

Когда представляешь себе мучительную, оскорбительную процедуру этой казни и подготовки заключенных к долгой, тяжелой ссылке и каторге, вдруг ясно понимаешь, что судить декабристов все же будет не государь, не члены суда, не жандармы, а время. Жестокая судьба выдающихся людей останется в памяти потомков примерами мужества, благородства, силы воли, способности все выдержать и не смириться. А имена тех, кто их казнил, бесславно растворились во времени.

Их память на земле невоскресима;
От них и суд, и милость отошли.
Они не стоят слов: взгляни – и мимо.

Данте Алигьери не сомневался: каждый из живущих в результате получит по заслугам.

В этот же день, 13 июля 1826 года, на Кронверке Петропавловской крепости были казнены пятеро декабристов, приговоренных к повешению: П.И. Пестель, К.Ф. Рылеев, С.И. Муравьев-Апостол, М.П. Бестужев-Рюмин, П.П. Каховский. И в Москве, и в Петербурге не верили, что эта страшная казнь состоится. Государь Николай I, которого ни одна пуля не тронула на Сенатской площади, стал убийцей этих людей. Такое иногда случается в истории...

Декабрист Александр Поджио, отбывавший ссылку в Сибири, друживший с семьей Волконских, в «Записках», написанных после отбытия ссылки, размышлял о причинах той жестокости, с которой Николай I и судьи расправились с людьми, желавшими блага для России.

«И каким образом все эти судьи, зародившиеся при Екатерине и возникшие при Александре, не были проникнуты духом кротости этих двух царствований, чтобы так скоро, внезапно отказаться от всего прошедшего и броситься, очертя голову, в пропасть казней и преследований! Каким образом решились они так быстро, необдуманно перейти ту черту, так резко отделявшую правление милосердное, человеколюбивое от правления жестокого, бесчеловечного! Скажите, где и когда они видели во всю свою долготлетнюю жизнь и эти виселицы, и эти каторги в таком числе и таком размере?»

«Власть при Александре хотя была и дремлющая, но при Николае она сделалась притеснительною и, достигши до высшей степени своевластия, она тяжко и непробудно залегла смертным гнетом на все мыслящее в России!»¹³

Примерно о том же написал С.П. Трубецкой в статьях «Мысли об истекшем тридцатилетии в России», «Записках».

Трудно представить себе, как озвученный приговор приняли родственники осужденных, как перенесли мать, сестры, братья Сергея Волконского известие о ссылке в Сибирь.

Александра Николаевна надеялась на свое влияние при дворе, на поддержку императрицы. Она посылала прошения государю Николаю I с просьбами о сокращении срока каторги, ведь сын был ранен на войне и здоровья крепкого не имел. Но письма государю с просьбами о милости никакого результата не принесли.

Мария Николаевна, ожидая приговора, была готова ко всему. Когда узнала, что мужу оставлена жизнь, поняла – это главное. Решение следовать за мужем в Сибирь возникло мгновенно. Она знала, что Екатерина Ивановна Трубецкая сразу после отправки арестантов к месту каторги последует за ними, и готова была тоже ехать в Сибирь.

Но на руках молодой матери был маленький сын. Надо было получить согласие на поездку у родных, которые возьмут на себя воспитание ребенка; надо было отправить прошение государю.

Мария сообщила о своем решении отцу и матери. Все члены семьи встретили это сообщение с неодобрением. Ее убеждали, что долг матери – растить сына. Она же видела, что сына ее все любят и лелеют, о нем есть кому позаботиться, а вот муж будет находиться в условиях каторжного существования, ему потребуются ее помощь и поддержка.

Мать Марии, Софья Алексеевна, не желала слушать никаких доводов дочери. По характеру неуравновешенная, вспыльчивая, она запрещала ей даже думать о поездке в Сибирь.

И все же труднее всего смириться с отъездом дочери было ее отцу, Николаю Николаевичу Раевскому. Он был героем на войне, с сыновьями своими храбро выходил навстречу наступающим врагам. Поэт В.А. Жуковский посвятил ему стихи:

Раевский, слава наших дней,
Хвала! Перед рядами
Он первый грудь против мечей
С отважными сынами.

Певец во стане русских воинов

Однако мужественный Николай Николаевич не мог представить себе, как его юная дочь в Сибири, в глуши станет жить рядом с каторжниками. Он рассказывал ей о тюрьме, о жизни в каземате, но понимал: если она решила, ничто уже не сможет изменить ее решения разделить с мужем тяжесть ссылки.

Мария Николаевна в это время не понимала политических взглядов Сергея Григорьевича. В юности, в своем доме она видела свободолюбивых, передовых людей, которые приходили к ее отцу. Она слышала их страстные речи, но согласна с ними не была. Она считала, что муж ошибся, что его увлекли, что он запутался. Она ехала в Сибирь, чтобы поддержать любимого человека, мужа, а не декабриста. Она исполняла свой долг быть рядом с мужем и в горе, и в радости.

Вы спросите: и где же здесь счастье? Счастья действительно пока не было. Они и друг друга еще едва знали. Счастье приходит тогда, когда приходит любовь, а они еще стояли только на пороге любви.

Конечно, ее мысли были не только о муже, но и о ребенке, маленьком Николеньке. Иногда она успокаивала себя тем, что съездит к Сергею на год, на это был согласен и ее отец, который

предупредил: «Я тебя прокляну, если ты через год не вернешься». Однако в глубине души Мария Николаевна понимала, что уезжает навсегда – где будет находиться ее муж, там будет и она.

15 декабря Мария Волконская обратилась к императору с просьбой разрешить ей выехать в Сибирь. 21 декабря, получив разрешение, она поспешила уехать. Оставив ребенка свекрови, она на два дня заехала в Москву и остановилась у сестры мужа, Зинаиды Александровны Волконской. Та устроила для нее прощальный музыкальный вечер, собрала музыкантов и гостей. Но Марии было не до веселья – она уже была мысленно готова к преодолению трудного пути.

Один из гостей, поэт А.В. Веневитинов, на всю жизнь запомнил эту встречу: «Я видел во второй раз и еще более узнал несчастную княгиню Марью Волконскую, коей муж сослан в Сибирь и которая 6 января сама отправляется в путь за ним... Так рано обреченная жертва кручины, эта интересная и вместе могучая женщина – больше своего несчастья. Она его преодолела, выплакала, источник слез уже иссяк в ней. Она уже уверилась в своей судьбе и, решившись всегда носить ужасное бремя горести на сердце, по-видимому, успокоилась... Она теперь будет жить в мире, созданном ею собою. Во вдохновении своем, она сама избрала свою судьбу и без страха глядит в будущее»¹⁴.

Как удивительно чутко и точно поэт понял душевное состояние этой сильной, решительной и в то же время слабой и страдающей женщины.

Из Москвы Мария Николаевна выехала в последних числах декабря и через Казань направилась в Иркутск. Сопровождали ее горничная Марья и лакей Ефим, крепостные люди, добровольно согласившиеся следовать за своей госпожой.

По заснеженным дорогам России неслись две кибитки – вещи и передачи осужденным в одной не поместились. Не будем даже в воображении пытаться воссоздавать этот путь – не испытав на себе, представить его трудности невозможно.

Однако уже 21 января, т. е. за двадцать четыре дня, Мария Волконская доехала до Иркутска. Здесь губернатору удалось задержать ее только на неделю. Екатерину Ивановну Трубецкую губернатор держал уже четыре месяца. Мария Николаевна, не задумываясь, подписала все бумаги, по которым она лишалась прав и дворянских привилегий. Далее, сменив 2 кибитки на перекладные телеги, на которых по снегу и льду ехать было быстрее, хоть и менее удобно, мужественная женщина добралась до Благодатского рудника.

Остановившись вместе с Екатериной Трубецкой в бедной и тесной избе, она поспешила ответить на первые письма, присланные ей родными.

«Только что, милая и добрая матушка, я получила ваше письмо от 26 января (1827 г.). Вы, по-видимому, беспокоитесь насчет препятствий, которые я встретила при отъезде из Иркутска; будьте уверены, что... то единственное утешение, какое осталось мне на земле, – разделять участь моего мужа, и потеря титулов и богатства – для меня, конечно, не потеря. На что бы все это было мне нужно без Сергея, на что бы мне жизнь вдали от него?»¹⁵

На Благодатском руднике Мария Николаевна не раз вспоминала слова отца, убеждавшего ее, что сибирская каторга – это страшное место, это бедное, убогое жилье, в котором ютятся местное население, это жестокие нравы каторжников, измученных тяжким трудом. И вот он, Нерчинский рудник, который она увидела своими глазами: «Это была деревня, состоящая из одной улицы, окруженная горами, более или менее изрытыми раскопками, которые там производились для добывания свинца, содержащего в себе серебряную руду. Местоположение было бы красиво, если бы не вырубил на 50 верст кругом лесов из опасения, чтобы беглые каторжники в них не скрывались: даже кустарники были вырублены; зимою вид был унылый»¹⁶. Представим себе эту вырубленную и утопающую в глубоком снегу пустынную местность. Каково было там, особенно на первых порах, двум молодым женщинам, воспитанным в роскоши, привыкшим к легкой, беззаботной жизни?

Мария Николаевна навсегда запомнила маленькие покосившиеся хибарки и «страшную бедность» местного населения.

Деньги, взятые с собой в дорогу, отчасти были сданы коменданту, отчасти розданы особо нуждающимся. Декабрист А.Е. Розен в «Воспоминаниях» обратил внимание на то, что Волконская и Трубецкая зимой 1826–27 года «терпели от холода и голода, что они сами стирали белье, мыли полы, питались хлебом и квасом». Об этом периоде написала в «Записках...» и М.Н. Волконская: «Мы ограничили свою пищу: суп и каша – вот наш обыденный стол; ужин отменили. Каташа, привыкшая к изысканной кухне отца, ела кусок черного хлеба и запивала его квасом»¹⁷. Вероятно, отправляясь в Сибирь, такую жизнь ни одна, ни другая даже представить себе не могли.

Путь на каторгу Сергея Григорьевича был не менее трудным, чем у Марии Николаевны, но он был готов к нему, понимал, что ожидает его впереди. Отправлен в Сибирь он был 23 июля 1826 года, из Иркутска его переправили на винокуренный завод, а затем с октября 1826 года он выполнял работу на Благодатском руднике. Рядом с ним трудились С.П. Трубецкой, Е.П. Оболенский, А.З. Муравьев, В.Л. Давыдов, А.И. Якубович, братья А.И. и П.И. Борисовы – осужденные по I разряду. То есть те, кого суд посчитал руководителями, организаторами восстания и активными членами тайных организаций.

Заклученные работали в шахте, вырубали руду под землей. Рабочий день длился с 5 часов утра и до 11 часов, затем с 15 до 17 часов. Через некоторое время их перевели на поверхность разбирать, сортировать и складывать куски руды. Работа была физически тяжелой для заключенных, несмотря на то, что многие были из офицерской среды, т. е. людьми, привыкшими к кочевой и военной жизни. Однако каторжная работа была однообразной, беспроектной – все работающие находились под усиленным надзором охраны.

Там, на руднике, Мария Николаевна получила свидание с мужем, увидела, в каких условиях пребывали заключенные. Помещения, в которых они находились, были тесные, дышать в этих «палатах» было нечем.

Поделиться своим отчаянием бедной женщине было не с кем, муж Екатерины Ивановны Трубецкой находился в таких же условиях. И Мария Волконская начинает писать письма, десятки, сотни писем из Сибири родным и близким людям. К счастью, некоторые из них сохранились. Письма – это и крик души, и попытка разобраться в своих чувствах, и надежда хоть кем-то быть услышанной. Ответные послания шли не менее трех месяцев, поэтому если с очередной почтой письма не приходили, она не знала, что и думать: здоров ли ее маленький сын; как чувствует себя болевшая Софья, сестра ее мужа; вспоминают ли они их, живущих в засыпанной снегом Сибири? В каждом письме Марии Николаевны тревога за мужа и никаких жалоб на трудности своей жизни. От письма к письму раскрывается характер этой удивительной женщины, способной перенести иногда непереносимые трудности.

Это письмо было написано 12 февраля 1827 года:

*«Милая и добрая матушка. Я наконец водворена в той самой деревне, где мой обожаемый Сергей; это важно, и тем не менее мое сердце не удовлетворено. Прежде всего, не могу не передать вам, как худо и как болезненно выглядит мой бедный муж. Его здоровье меня беспокоит, ему нужны все мои заботы, а я не могу отдать их ему. Нет, я не оставляю его, пока его участь не будет значительно облегчена... Как ни тяжелы для моего сердца условия, которыми обставили мое пребывание здесь, – я подчиняюсь им с щепетильной аккуратностью»*¹⁸.

Письмо от 26 марта 1827 года тоже полно беспокойством о здоровье мужа:

«Его нервы последнее время совершенно расстроены и улучшение... было лишь кратковременным, потому что его грудные боли возобновились с еще большей силой. Милая матушка, хоть он и старается скрыть от меня свои страдания, мне было достаточно увидеть его два

жды на прошлой неделе, чтобы составить себе ясное представление о них. Судите-ка, что я должна чувствовать, не имея возможности сама ухаживать за ним»¹⁹.

Письма от Александры Николаевны, матери Сергея Волконского, которую Мария Волконская называет матушкой, приходили нерегулярно, а иногда и вовсе пропадали в пути. Чтобы понять, на какое письмо пришел ответ, решено было их нумеровать.

Это фрагменты из писем от 21 мая и 2 сентября 1827 года:

«...Положение, в котором я оставила мою сестру и моего бедного ребенка, беспокоит и мучит меня до такой степени, что я не в силах выразить это... Здоровье Сергея по-прежнему довольно хорошо, милая матушка, дай Бог, чтобы и впредь было так же. Вы – единственный предмет его мыслей и разговоров; огорчения, которые он вам причиняет, мучают его больше всего».

В письме, написанном 30 апреля 1827 года, – буря чувств. Шесть недель – и ни одного письма от Александры Николаевны.

«...вы понимаете, милая и добрая матушка, что мое беспокойство о вас, о моем сыне и обо всех ваших дошло до крайнего предела, и Сергей делит мою пытку... В своих предыдущих письмах к вам и к сестре Софье я подробно сообщала вам о здоровье моего бедного Сергея; оно все в таком же положении, то лучше, то хуже. Я была у него сегодня утром; нынче – один из его хороших дней; он выглядел получше, не жаловался, и голос его значительно окреп. Облегчать его душевные страдания – долг сладкий моему сердцу, и будьте уверены – это цель моей жизни»²⁰.

В это время Марии Николаевне всего 22 года – она молода, хороша собой. Всего два года замужем, всего годик ее сыну Николеньке. Заброшенная судьбой в Сибирь, без писем от родных, без известий о сыне... Что же в это время давало ей силы все переносить: и нездоровье мужа, и ужасные бытовые условия, и разлуку со всеми родными людьми?

Она четко определила для себя главное: находиться рядом с мужем, облегчать его страдания, забыв о страданиях своих – это ее долг. В этом выразилась ее русская душа. Она не любила Сергея Волконского пылкой любовью. Но она до боли сердечной жалела его. А разве жалость – не составляющая любви?

И эта жалость, глубокая, всепоглощающая, стала той нитью, что связала их судьбы крепче всяких клятв. Она видела в нем не только мужа, но и человека, измученного болью, одинокого в своей беде. И в этой уязвимости, в этой хрупкости, она находила не слабость, а причину для безграничного сострадания.

Более полугода прошло с того дня, когда Мария Николаевна прибыла в Благодатский рудник. Здоровье мужа за прошедшее лето улучшилось. Редкие, но периодические свидания – раз в три дня – стали необходимыми в их жизни.

«...как ни редки и как ни стеснены эти свидания, они много облегчают наши страдания. Подле Сергея я счастлива, но не видя его, я чувствую себя невыразимо одинокой»²¹.

И все же Мария Николаевна не давала себе впасть в уныние. Она ехала сюда спасать мужа. В своих «Воспоминаниях» она привела выдержки из отчетов тюремных надзирателей о поведении и состоянии здоровья заключенных. Так, в декабре 1826 года, когда Мария Николаевна только приехала к мужу, сделана такая запись:

«Сергей Трубецкой одержим грудною и внутреннюю болезнью, как кажется, чахоткою, одержим кровохарканьем, чувствует великую тяжесть в груди»²².

А вот запись 16 февраля 1827 года, прошло четыре месяца со дня ее приезда:

«Сергей Трубецкой и Сергей Волконский – с приездом жен – сделались приметно веселыми». В марте 1827 года записано: «Сергей Трубецкой и Сергей Волконский навывают к роду нынешней жизни, больше бывают спокойны, но Волконский, по слабому здоровью, чаще задумчив»²³.

О чем же мог думать в немногие свободные минуты в недавнем прошлом князь, в недавнем прошлом генерал, потерявший титул, дворянские привилегии, звание? Теперь он имел темную, грязную «палату», каторжную работу. Его жена, покинувшая уютный родной дом, постоянно терпела неудобства быта. И самое страшное, что вдали от них умер их первенец, Николенька.

Стоило ли одно другого?

Он мысленно произнес: «...ни от одного слова и сейчас не откажусь». От этих слов он не откажется в течение всей жизни.

Нерчинский период ссылки был самым трудным для всех заключенных. Утром и днем, работая под землей, они хотя бы могли дышать, выпрямляться, шевелить руками, но вечером, входя в темные казематы – это были чуланы, разделенные дощатой перегородкой, – заключенные не могли даже стоять. Надо было или сидеть, или лежать

Мария Николаевна, проехавшая 6 тысяч верст, чтобы быть рядом с мужем, жила вместе с Екатериной Ивановной Трубецкой в тесной избе и получала разрешение видаться с мужем два раза в неделю в присутствии офицера и унтер-офицера. Это был их третий год совместной жизни.

Кажется, какая тут семья... Даже встречи Сергея и Марии были мукой для обоих. Но они ждали этих коротких свиданий. Мария заботливо оглядывала мужа – как он, похудел, истощен, болен? Нет, не похудел, не болен, наоборот, кажется здоровей, чем прежде. Девять месяцев жизни на Нерчинских рудниках показали: даже в таких условиях можно выжить, если хочешь жить.

В декабре 1827 года Мария Николаевна написала в письме к сестре Сергея Григорьевича: *«Пишу вам, милая сестрица. Чтобы сообщить вам о Сергее, который был очень счастлив, узнав о быстром ходе вашего выздоровления. Одно только его огорчило... эпитет “бедная”, который прилагает ко мне его племянница. Могу вас уверить, милая сестра, это слово вовсе не подходит ко мне: я совершенно счастлива, находясь подле Сергея. Я горда мыслью, что принадлежу ему, он образец покорности и твердости. Его здоровье по-прежнему хорошо, он прилежно ходит на работу – это лучшее всего доказывает вам, что его силы восстановились. Что до меня, то я привыкла к своему положению, веду деятельную и трудовую жизнь. Я нахожу, что нет ничего лучше, нежели работа рук, она так хорошо усыпляет ум, что никакая печальная мысль не мучит человека, тогда как чтение непременно приводит на память прошлое»²⁴.*

Это письмо было написано уже из Читы. Читинский период – это был новый этап испытаний для декабристов и их жен. Заключенные прибыли туда в конце сентября 1827 года. Читку описали в своих воспоминаниях многие осужденные. Н.А. Бестужев создал несколько акварелей, одну из которых он назвал «Главная улица Читы». В этом был горький юмор, потому что улиц в этом селении не было вообще. Михаил Бестужев вспоминал: «В эпоху прибытия нашего в Читку это была маленькая деревушка заводского ведомства, состоящая из нескольких полуразрушенных хат»²⁵. Полина Анненкова насчитала в этом селе 18 домов, но это уже было несколько позже.

Для размещения первой партии были выделены два частных дома, которые назвали «малыми казематами». Вскоре был достроен вместительный каземат «большой». Строения были обнесены высоким забором. Позже на тюремном дворе были построены мастерские и лазарет. Осужденные располагались в отведенных домах на нарах, расставленных по стенам. В каждой комнате находился часовой и двое конвойных.

Работали на улице: чистили конюшни, вывозили навоз, рыли канавы, рубили мерзлую землю под фундаменты домов. Долгое время засыпали котлован, который называли Чертова Могила²⁶.

*Чита. Часть в которой жили декабристы.
Фото конца XIX – начала XX вв.*

Осужденные трудились с 6 часов утра до 9 часов и с 17 до 19 часов. Эта работа была значительно легче той, что была на рудниках. Все мужчины были физически сильными. Сергей Григорьевич Волконский, несмотря на ноющие раны, постепенно, как и другие, привыкал к тяжелой каторжной работе, но спокоен не был: что-то ложилось тяжестью на душу. Тяжким было бессмысленное существование, нерастраченные умственные возможности и слабая надежда на избавление – вот что делало жизнь мрачной, бесцельной, беспросветной.

Эти чувства переживал не один Волконский. Рядом жили и трудились такие же, как он, образованные, благородные, достойные люди.

Для заключенных в Сибирском остроге удачным для их выживания оказалось то, что они не были одиноки. Рядом с каждым из них отбывали срок каторги люди их бывшего круга общения. В недавнем прошлом они встречались в театрах, светских гостиных. Сергей Григорьевич некоторых знал по службе в армии, с другими общался в Москве, Петербурге, Каменке. Так, в тюрьме, в заключении создавалась общность людей, объединенных едиными взглядами, одинаковыми условиями существования, и это помогало им в трудные минуты.

Сейчас они были жестоко наказаны, но не за преступление, а за правое по своей сути дело. В этом они были убеждены.

Е.П. Оболенский позже об этом написал: «Большое утешение было для нас то, что мы были вместе, тот же круг, в котором мы привыкли, в продолжение стольких лет, меняться мыслями и чувствами, перенесен был из петербургских палат в нашу убогую казарму; все более и более мы сближались, и общее горе скрепило еще более узы дружбы, нас соединившей»²⁷.

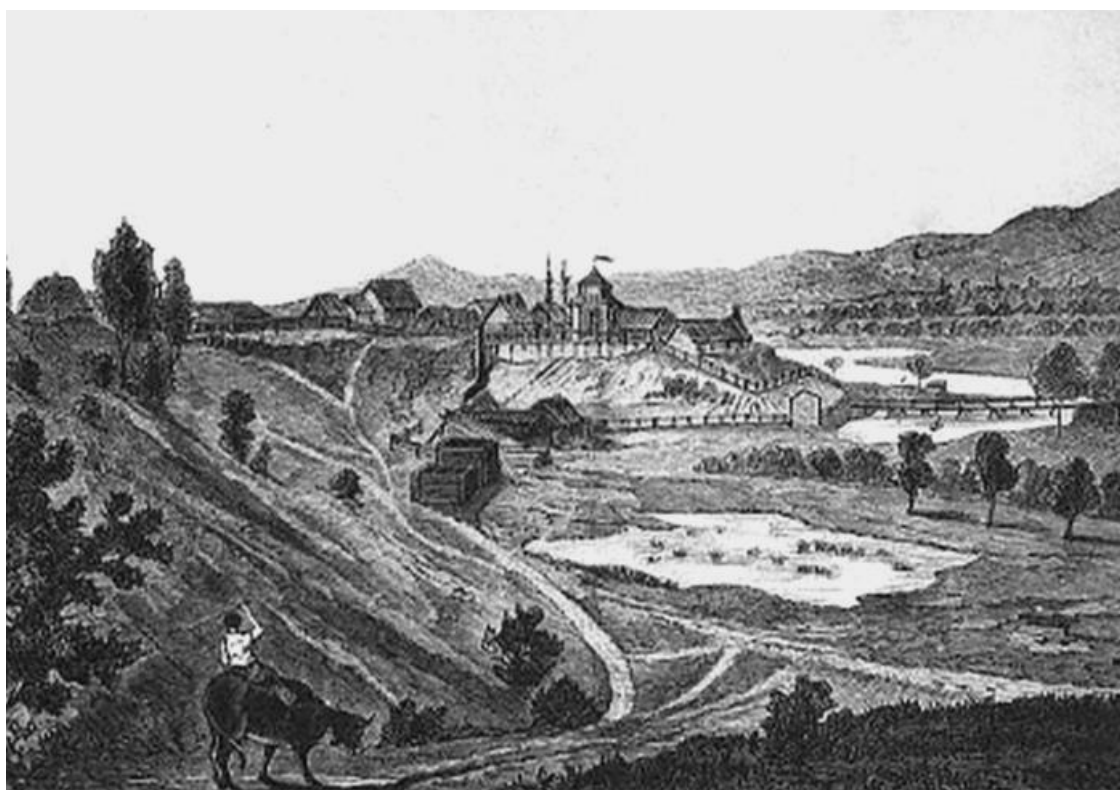
Как видим, заключенных на каторге спасали укрепляющиеся «узы дружбы», взгляды на жизнь, объединявшие их. Общее горе и общие радости – все это помогло сначала выжить, а затем – жить дальше. Спасали, конечно, приехавшие в Сибирь жены. Спасали своим участием, вниманием, искренним желанием помочь каждому.

Кроме Марии Николаевны Волконской и Екатерины Ивановны Трубецкой, которые были первыми и вместе с мужьями прошли самый трудный период работы на Благодатском руднике,

в феврале 1827 года в Читу прибыла Александра Григорьевна Муравьева, затем – Елизавета Нарышкина, в марте – Полина Гёбль. Постепенно приехали еще 6 жен осужденных.

Их приезд изменил самую обстановку жизни. Мария Николаевна Волконская и другие жены, получавшие помощь от родных людей, старались, насколько можно, благоустроить свое жилище. Общими усилиями они добились, чтобы с осужденных были сняты цепи и кандалы. Ведь декабристы, вопреки закону, были закованы до 1828 года. В Чите установилась переписка заключенных с родственниками – написание писем и их отправку взяли на себя женщины.

Чтобы как-то украсить тюремный двор, женщины упростили коменданта О.А. Лепарского разрешить им разбить клумбы и посадить растения – цветы расцвели через год после переезда в Читинский острог.

Чита. Вид по дороге в Иркутск. Фото конца XIX – начала XX вв.

Однако исправить сибирский климат женщины были не в силах. Суровые зимы затрудняли общение заключенных с их женами.

20 декабря 1827 года Мария Николаевна написала Софье Григорьевне:

«Пишу вам на адрес матушки, милая сестра, чтобы заодно сообщить вам обоим о Сергее. Его здоровье сейчас довольно хорошо, но стоящие здесь ужасные морозы не могут не повлиять на его состояние; уже более двух месяцев у нас от 30 до 36 градусов холода. Со времени вашего отъезда в Италию вы пишете довольно неисправно... Я умею ценить вашу неизменную дружбу к Сергею, потому-то я и прошу вас писать ему»²⁸.

Сибирские морозы и итальянское солнце... Мария Николаевна писала письмо и понимала: и свекрови, и сестре мужа не представить себе, в каких условиях находились они с Сергеем. Задержка отправки письма из Италии была для них так несущественна, когда воздух напоен запахом цветов, когда так приятно любоваться мерцающим морем, когда легкий ветерок шевелит прозрачный шарфик на плечах у женщин.

Здесь же, в Сибири, в некоторые морозные дни невозможно было выйти на улицу: хватывало дыхание, индевели ресницы, лицо надо было закутывать теплым платком.

Вздохнув, Мария Волконская опять садилась за письма...

«Что вам сказать о нашей угрюмой Сибири? Из-за сильных морозов я вижу со своими подругами реже, чем хотела бы. С Катей и госпожой Ентальцевой мы всегда вместе, так как ведем общее хозяйство, мы по очереди стряпаем. Господь точно создал нас для нашего нынешнего положения – мы освоились с ним как нельзя лучше. Так как я никогда не вижу вещей в черном свете, то чувствую себя несчастною только тогда, когда здоровье Сергея слабеет; и если бы мне разрешили разделять его заключение, иметь при себе моего сына и посвящать им мою жизнь, я была бы счастливейшей женщиной»²⁹.

(Супруги Ентальцевы находились в Чите в течение одного года, затем отбыли на поселение.) Из писем свекрови Мария Николаевна знала, что сынок ее Николенька болел, затем пошел на поправку. Она не сомневалась, что в доме Александры Николаевны за малышом организован уход, что его все любят, но горе было в том, что она сама не имела возможности наблюдать за тем, как он растет, изменяется каждую неделю, месяц – так невозможно далеко от нее он находился.

*М.Н. Волконская с сыном Николаем.
Акварель П.Ф. Соколова, 1826 г.*

Перед самым отъездом, в последние недели пребывания в Петербурге, М.Н. Волконская заказала художнику портрет, на котором он должен был изобразить ее с десятимесячным сыном Николаем на руках. Портрет был заказан в двух экземплярах. Один из них Мария Николаевна привезла мужу в Сибирь.

В 1828 году Николенька умер. А.С. Пушкин написал «На смерть младенца Волконского»:

В сиянии и в радостном покое
У трона вечного Творца

С улыбкой он глядит в изгнание земное,
Благословляет мать и молит за отца.

Николай Николаевич Раевский написал дочери:

«Хотя письмо мое, друг мой Машенька, несколько заставит тебя поплакать, но эти слезы будут не без удовольствия: посылаю тебе надпись надгробную сыну твоему, сделанную Пушкиным... Это будет вырезано на мраморной доске»³⁰.

М.Н. Волконская ответила отцу:

«Я читала и перечитывала, дорогой папа, эпитафию моему дорогому ангелочку. Она прекрасна, сжата, полна мыслей, за которыми слышится столько многое. Как же я должна быть благодарна автору: дорогой папа, возьмите на себя труд выразить ему мою признательность»³¹.

Только оправившись от одного горя, Волконские встретили другое. В сентябре 1829 года ушел из жизни Николай Николаевич Раевский. Он очень любил Марию Николаевну, уговаривал ее не ездить в Сибирь, был рассержен, когда она не прислушалась к его словам.

Находясь вдали от дочери, он, к сожалению, не успел узнать о ней все, что постепенно, с каждым годом накапливалось и раскрывалось в его любимице. Однако он понял, почувствовал главное, что уже было тогда в ней. Умирая и думая о дочери, он произнес: «Вот самая замечательная женщина из всех, которых я когда-либо знал».

Захоронение Николеньки Волконского, которое удалось отыскать автору этой книги на Лазаревском кладбище в Александро-Невской лавре в Санкт-Петербурге в октябре 2023 г.

Свалившиеся на них трагедии Сергей Григорьевич и Мария Николаевна переживали вместе, помогая друг другу справляться с несчастьями. Сергей Григорьевич был сильнее. Жена увидела в муже человека сильной воли, гордого, несломленного – и это вызывало в ней не только уважение к нему. Любовь к мужу становилась для нее частью существования, жизнь наполнялась иным смыслом.

Именно в Чите Мария Николаевна почувствовала, что нужна мужу. Она поглядывала на других женщин и понимала: они, как и она, ушли из привычной для них беззаботной, легкой, интересной жизни – и ничего: ни следа уныния и отчаяния. Мужчины ежедневно уходили на

свою бесконечную каторжную работу, а их жены вили свое гнездо, как могли, организовывали семью.

Молодые, энергичные, деятельные, они были уверены, что со всем справятся, преодолеют любые трудности, но неожиданно были озадачены тем, что, не приученные к домашней работе, они не знали, как приготовить то или иное блюдо. П.Е. Анненкова позже вспоминала: «Дамы наши часто приходили ко мне посмотреть, как я готовлю обед, и просили научить их то сварить суп, то состряпать пирог»³².

Мария Николаевна Волконская старалась всюду поспеть, помочь, кому нужна была помощь. Она шила и зашивала заключенным рубашки, чинила изношенную одежду – и мужу, и другим заключенным.

Сергей Волконский с удивлением смотрел на жену: оказывается, он до сих пор плохо ее знал. Сибирская ссылка открыла им глаза, они увидели друг друга в ином свете. Счастьем стало почувствовать понимание – с полуслова, с полувзгляда. Счастьем стало ощущать себя не порознь, а в семье. Мария Николаевна вновь ждала ребенка.

После освобождения многие декабристы написали «Воспоминания». Е.П. Оболенский с глубокой благодарностью обратился в своих записках к женщинам, которые сумели спасти и поддержать людей, отправленных на муки и смерть. «Прибытие этих двух высоких женщин, русских по сердцу, высоких по характеру, благодетельно подействовало на нас всех, с их прибытием у нас составила семья»³³.

Примерно о том же написал и А.О. Корнилович:

«Если можно сказать про кого-нибудь, что ангелы сходят с небес и принимают нашу плоть для утешения смертных, то, конечно, про них. Трудно выразить заботливость, самую деятельную и неусыпную, какую они имеют об нас. Все мы для них братья. Для нас они отказываются от всего самого необходимого. Вот вам пример: они живут в крестьянских домах, которые вообще построены там дурно, и холода дуют с пола»³⁴..

А декабрист А.И. Одоевский, посвятивший этим замечательным женщинам стихотворение, назвал их ангелами, «низлетевшими с лазури».

Был край, слезам и скорби посвященный,
Восточный край, где розовых зарей
Луч радостный, на небе том рожденный,
Не услаждал страдальческих очей;
Где душен был и воздух вечно ясный,
И узникам кров светлый докучал,
И весь обзор, обширный и прекрасный,
Мучительно на волю вызывал.

Вдруг ангелы с лазури низлетели
С отрадою к страдальцам той страны,
Но прежде свой небесный дух одели
В прозрачные земные пелены.
И вестники благие провиденья
Явились, как дочери земли,
И узникам, с улыбкой утешенья,
Любовь и мир душевный принесли.

И каждый день садились у ограды,
И сквозь нее небесные уста

По капле им точили мед отрады...
С тех пор лились в темнице дни, лета;
В затворниках печали все уснули,
И лишь они страшились одного,
Чтоб ангелы на небо не вспорхнули,
Не сбросили покрыва своего.

Было уже упомянуто о том, что в Чите за высоким забором, отделяющим заключенных от внешнего мира, женами декабристов были вскопаны клумбы и посажены цветы. Мария Николаевна в письмах обратилась к родственникам с просьбой прислать и семена овощей. Но, чтобы устроить маленький огород, надо было, опять же, получить разрешение коменданта О.А. Лепарского. К счастью, комендант разрешение дал. И, что удивительно, Сергей Григорьевич Волконский стал мастерить рамы для парников. Было непонятно, к чему приведет эта затея, но она увлекла князя, который никогда до этого не занимался огородничеством. Из письма Марии Николаевны получаем оценку этой работы:

«Он сделал опыт разводки табака из семян, присланных Вами, и они взошли на славу: рост стебля и размах листьев так же хороши, как на американских плантациях... У нас лето исключительное, ни одного мороза до сих пор; эта погода благоприятна для нашего огорода. У меня есть цветная капуста, артишоки, прекрасные дыни и арбузы и запас хороших овощей на всю зиму. Надо видеть, как доволен Сергей, когда приносит мне то, что возвращено его трудами»³⁵.

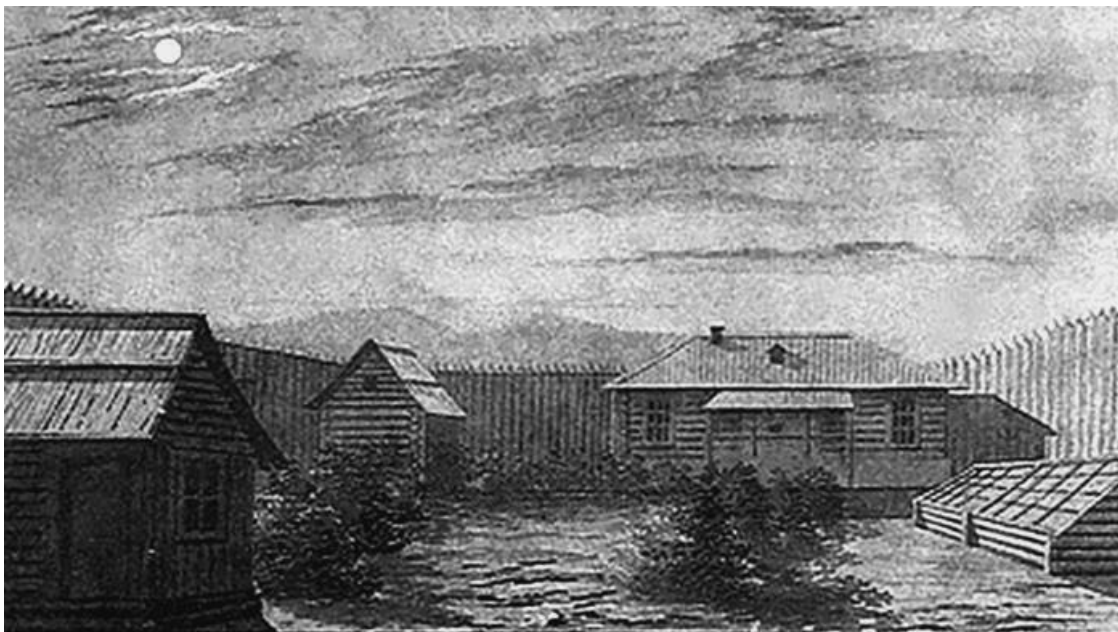
Замечаем, что Сергей Григорьевич не столько желал разнообразить стол, не столько хотел заготовить побольше овощей на зиму, сколько он увлекся этим непростым занятием, потому что это была обычная человеческая мирная работа, не связанная с каторжным трудом. Этим он спасал и себя, и семью от чувства унижительного наказания, тяжелого физически, позорного нравственно. Работа на огороде, принесшая хороший урожай, придавала самоуважение, удовлетворение сделанным.

Декабрист и художник Николай Александрович Бестужев пытался запечатлеть на холсте и бумаге те моменты каторжной жизни, которые в будущем останутся не только воспоминаниями, но и ценными фактами истории для потомков. На одной, к сожалению, утраченной акварели, но оставшейся в виде копии виден кусочек сада, приютившийся между казематами³⁶.

Парники Сергея Волконского художник изобразил при лунном свете, вероятно, не случайно. Все нарисованное кажется реальным и одновременно призрачным. Свет от луны освещает кусочки пространства между на первый взгляд обыкновенными крестьянскими домами. Но дома эти – казематы, в которых содержатся заключенные. Виден частокол высокого забора, окружающего место заточения декабристов. Невысокий парник одной стеной упирается в забор.

Мерцающий свет луны, кусты, парник – это элементы нормальной человеческой жизни, это символы воли, свободы. Но на всем этом лежит мрак заключения, тюрьмы, каторги. Рисунок выполнен сепией, т. е. яркость красок отсутствует. Смотришь на рисунок и чувствуешь боль художника, который сумел столкнуть чувство свободы и ужас заточения.

В Чите Волконские прожили более трех лет. Летом 1830 года пошли слухи о переводе их в Петровский Завод. К Читинскому заключению более или менее привыкли. Впереди была полная неизвестность. Новая тюрьма, выстроенная специально для декабристов, находилась от Читы на расстоянии 630 верст (примерно 672 км). Как будет организован переход? Многие думали об этом, но в семье Волконских летом должен был родиться ребенок, у них были свои тревоги и опасения. Они оказались не напрасными: Софья родилась 1 июля и умерла при родах. Погиб второй ребенок Волконских – это была еще одна долго не заживающая рана семьи.

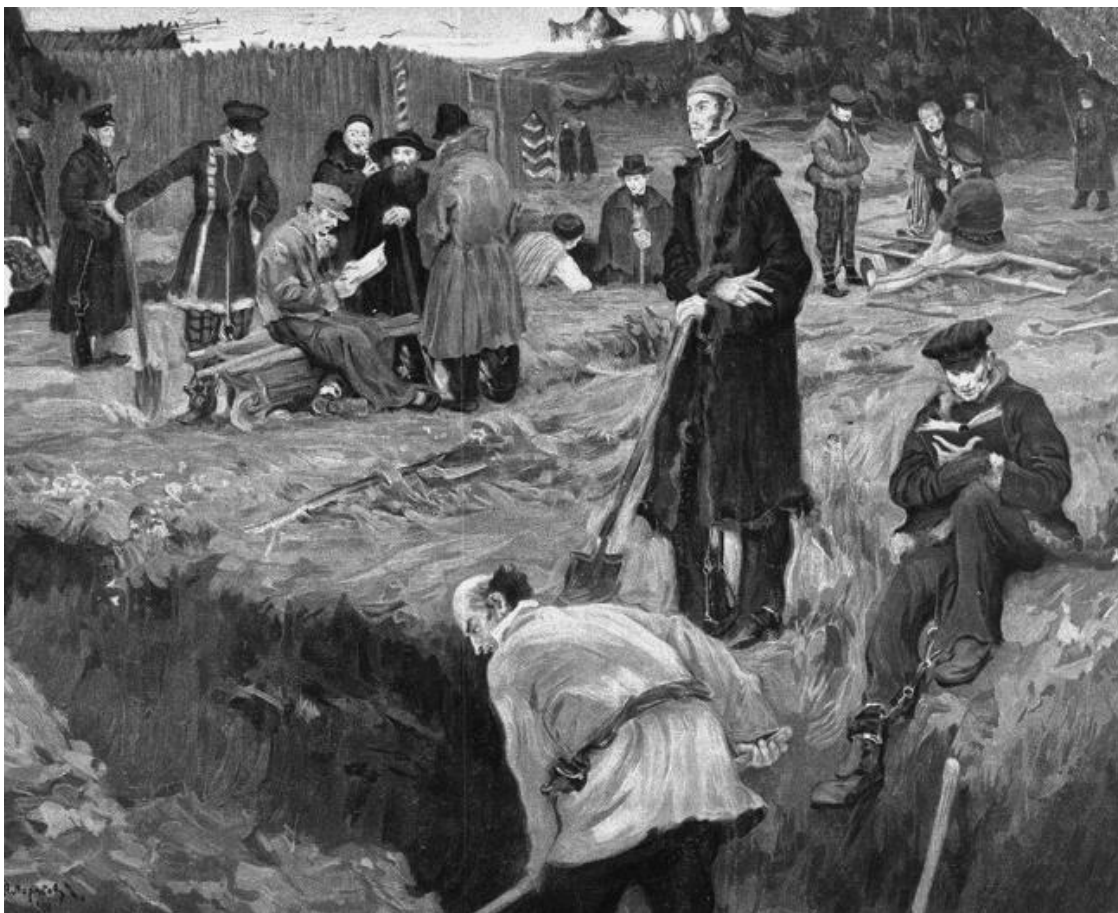

*Второй читинский острог и парники С.Г. Волконского.
Акварель Н.А. Бестужева*

Однако 7 августа двумя партиями с интервалом в двое суток заключенные двинулись в путь. Впереди колонны шли солдаты в полном вооружении, «потом шли “государственные преступники”, за ними тянулись подводы с поклажей... По бокам и вдоль дороги шли буряты, вооруженные луками и стрелами. Офицеры верхом наблюдали за порядком шествия»³⁷.

Если представить себе эту колонну «государственных преступников», то покажется, что они, изможденные, не поднимая голов, двигались вперед, как на заклятие. Однако заключенным переход запомнился совсем по-другому. Из одной тюрьмы они шли в другую и прекрасно знали, что лучше там не будет. Но процессия двигалась по красивой местности. Во время привалов оглядывали окрестности, делали зарисовки особо привлекательных мест.

Декабрист Н.В. Басаргин вспоминал: «Останавливались не в деревнях, которых по бурятской степи очень мало, а в поле. Место выбирали около речки или источника на лугу и всегда почти с живописными окрестностями и местоположением»³⁸. До Петровского добирались 46 дней, поэтому было время полюбоваться окрестностями, причем не только время, но и желание.

Декабристы в Чите. Художник А. Моравов.

Кн. Трубецкой (опирается на лопату); бар. Розен (направо внизу, за книгой); Кюхельбекер (на переднем плане); кн. Волконский, А. Муравьев и кн. Оболенский (все направо вверх, за Трубецким); налево от Трубецкого: Бестужев, Якушкин, Лунин (повернулся спиной), Завалишин и за ним кн. Одоевский, Якубович (сидит на скамейке), Н. Муравьев (рукой отстраняет конвойного) и Борисов (налево за солдатом)

Подробно описал переход и М.А. Бестужев: «Прекрасные картины природы, беспрестанно сменяющие одни других, новые лица, новая природа, новые звуки языка – тень свободы хотя для одних взоров»³⁹. По этим и многим другим воспоминаниям видно, что «государственные преступники» были людьми, тонко чувствующими природу, умеющими видеть красоту земли.

Первое впечатление от Петровского Завода высказал, опять же в поздних воспоминаниях, И.В. Басаргин: «Петровский Завод, большое заселение с двумя тысячами жителей, с казенными зданиями для выработки чугуна, с плавильною, большим прудом и плотиною, деревянную церковью и двумя или тремя избами, показалось нам после немногочисленной Читы чем-то огромным»⁴⁰.

Мария Николаевна Волконская описала и природу в районе Петровского Завода и поделилась первыми впечатлениями от тюрьмы:

«Петровск не может похвастаться своей растительностью. Здесь хвойные деревья в огромном количестве. Несколько пород красивых кустарников, достаточно богатая флора, но все это значительно ниже производительности Нерчинска и Читы; так как мы окружены со всех сторон горами, климат здесь холодный и сырой»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.